

Из-за того несчастного случая в детстве его тело действительно было слабее, чем у обычных людей. Поэтому отец, два старших брата и даже Ло Тяньчэн окружали его стократной заботой. В детстве, если он падал, весь княжеский дворец поднимался на уши. Выросший в таких условиях юноша, естественно, был куда более изнеженным, чем другие, и его кожа, казалось, переняла характер хозяина — стоило лишь немного приложить силу, как сразу оставались следы. Но это вовсе не считалось травмой. Просто Хо Ци видел такое впервые, поэтому и испытывал такое чувство вины, и его внезапная забота была всего лишь проявлением раскаяния.

Хотя в душе он понимал мысли Хо Ци, почему же в нём зародилась лёгкая грусть? Подумав об этом, он снова потупил взгляд, но в глазах Хо Ци этот жест приобрёл совсем иное значение.

Он был военным. Даже если когда-то в Юнцзине он получал образование в дворянских манерах, десять лет жизни на границе давно заставили его забыть, как следует общаться с этими изнеженными молодыми аристократами столицы. За эти десять лет рядом с ним были только его подчинённые, он привык разговаривать с другими командным тоном. Даже с таким человеком, как Ло Тяньчэн, он мог сохранять лишь необходимые приличия, но оставался крайне отстранённым и холодным. Атмосфера выживания сильнее в армии привела к тому, что всё, чего он желал, он добивался агрессивными, захватническими методами. Разве его нынешняя напористость похожа на то, что он специально пришёл извиняться и мазать мазь? Это явно повторение дневного поведения, без всякой искренности. Неудивительно, что юноша сопротивляется.

Хо Ци беззвучно вздохнул. Оставалось только применить свои обычные методы уговоров, которые он использовал с Цзян Вань. Он сдался, мягко отпустил Ло Цинъяна и изо всех сил постарался сделать свой голос как можно более мягким.

— Это Хо был слишком груб, всегда обижаю вас, наследный князь, — произнёс он эти слова, затем на мгновение замолчал — видно было, что он редко унижается, даже тон звучал неестественно. — Просто кожа вашего высочества слишком нежная. Красные следы на запястье заставляют меня, — он подобрал слово, — очень переживать.

Услышав это, Ло Цинъян, хоть и понимал, что у другого не было никаких скрытых мыслей, всё равно покраснел до кончиков веков.

Хо Ци уже настолько смирился, что Ло Цинъян просто не знал, как можно ещё отказываться. Пришлось протянуть руку. Увидев это, Хо Ци взял её, аккуратно положив белоснежную, как нефритовая трубка, руку юноши себе на колено. Ло Цинъян всё это время держал грелку, и рука у него была очень тёплой. Теперь, лежа на колене Хо Ци, это тепло через слой ткани медленно проникало в его кости и кровь, словно по ним достигая самого сердца.

Хо Ци слегка закатал рукав Ло Цинъяна. Вечерний наряд юноши был из белого парчи. В слабом свете кареты Хо Ци на мгновение даже не мог понять, что белее — парча или рука наследного князя.

Красные следы на его запястье действительно стали намного бледнее, чем днём, но даже лёгкие отметины были очень заметны на безупречной, как белый нефрит, коже. Увидев это, Хо Ци почувствовал ещё больше сожаления, ведь в тот момент он действительно разозлился и действительно сжал запястье юноши с силой.

Он злился на себя. Злился, что, увидев Ло Цинъяна, забыл все взвешенные в сердце соображения выгоды. Злился, что стал тем, кого когда-то презирал больше всего.

Он помнил, как когда-то, читая о том, как Ся Цзе из-за пристрастия к Моси пренебрёг государственными делами, что привело к упадку династии Ся, а Шан Чжоу, одаривая особой милостью Дацзи, разрушил вековые устои Чэн Тана, он с таким презрением относился к этим императорам, ослеплённым страстью.

А что теперь он сам?

После той безумной ночи в канун Нового года он много размышлял. В душе он, конечно, дорожил Ло Цинъяном, но отчётливо понимал, что реальность полна преград и долга, и едва ли сможет соответствовать его желаниям. Поэтому самым разумным было бы отдалиться от Ло Цинъяна. Если бы этот юноша с изысканными манерами мог держаться подальше от него... Нет, даже если бы он сам намеренно отдалился от него, лишь бы не видеть — может, тогда и сердце успокоилось бы? Без него он смог бы возвыситься над суетой мира, избежать лишних связей с Ло Тяньчэном, спокойно заниматься своим делом генерала, уединиться в Пинляне и по-настоящему осуществить то, о чём говорил дед: хоть и находиться при дворе, но сохранять чистоту.

Но он не ожидал, что все его глубокие размышления разобьются в прах, стоило юноше поднять свои затуманенные глаза. Увидев красные следы на его руке, он вдруг почувствовал невыносимую душевную боль, словно заставил этого с рождения обласканного заботой наследного князя перенести страшную несправедливость.

Ладно, ладно. В конечном счёте, это он легко позволил своим эмоциям обрушиться на невинного человека.

В маленьком изумрудном флаконе была мазь для активизации кровообращения и рассасывания гематом. Хо Ци открыл пробку, вылил немного мази на ладонь, затем указательным пальцем нанёс её и аккуратно растёр по красным следам на запястье Ло Цинъяна.

Кожа на руках Ло Цинъяна была очень нежной, белоснежной, словно никогда не знавшей тяжёлого труда. Аккуратно подстриженные ногти, каждый розоватый, с белыми полумесяцами у основания, все вместе выглядели как красивые ракушки, украшавшие пальцы, нежные, как молодой зелёный лук, вызывая только восхищение.

Юноша был изыскан даже в таких мелочах, словно небо уделило ему особое внимание, что не могло не вызвать восторг.

* * *

После нанесения мази Ло Цинъян почувствовал, как от запястья медленно разливается прохлада. Он мельком взглянул на флакон и увидел, что часть, где закончилась мазь, стала прозрачной, и понял, что изумрудным был не флакон, а сама мазь.

У мази не было запаха, но при нанесении на повреждённое место она слегка пощипывала. На запястье возникло лёгкое ощущение покалывания, и рука Ло Цинъяна рефлекторно дернулась. Хо Ци накрыл своей свободной от мази рукой тыльную сторону ладони юноши. Ладонь Хо Ци была широкой и крепкой, из-за долгого держания меча на ладонях и между пальцами был тонкий слой мозолей, цвет кожи тоже был темнее. По сравнению с Ло Цинъяном контраст был очень явным. Ло Цинъян смотрел на широкую ладонь, лежащую на его руке, поджал губы и подумал, что если сейчас отдернёт руку, то будет выглядеть так, словно ему есть чего стыдиться. Пришлось позволить Хо Ци продолжать.

— У этой мази сильное действие, после нанесения ощущается покалывание, но эффект

хороший, и впоследствии не останется шрамов, — Хо Ци, решив, что тот боится боли, подобрал несколько слов, чтобы утешить его, совсем как разговаривают с ребёнком.

Ло Цинъяну стало неловко — даже князь Аньхэ уже много лет не разговаривал с ним таким тоном. Он не знал, как ответить на слова Хо Ци, и мог только найти случайную тему, чтобы разрядить атмосферу.

— Раз мазь такая хорошая, почему её нет во дворце?

За эти годы он перевидал почти все диковинки императорского дворца, но такую мазь действительно не встречал.

— Это рецепт, который я придумал в свободное время. Многие компоненты встречаются нечасто. В ней есть лекарство под названием трава речной долины, которое растёт только рядом с рекой Красных Вод в Пинляне. Плюс процесс изготовления мази очень сложен, поэтому неудивительно, что её нет во дворце.

Действие лекарства действительно было быстрым. За время их разговора можно было заметить, что красные следы на запястье снова побледнели. Ло Цинъян поразился силе лекарства и воскликнул:

— Это лекарство волшебное! Всего за мгновение следы на моей руке стали намного бледнее.

— Если вашему высочеству кажется полезным, этот маленький флакончик мази я дарю вам, — Ло Цинъян видал много редких сокровищ, и мало что могло так его удивить. Хо Ци, видя, что тому нравится, естественно, был рад подарить ему что-нибудь.

Ло Цинъян всего лишь невзначай похвалил, а Хо Ци уже хотел отдать ему мазь. Из его описания было понятно, что лекарство досталось непросто. Как он мог отнять у человека то, что тому дорого? Поэтому он несколько раз отказался.

— Вашему высочеству не стоит церемониться. Эта мазь очень хороша для использования после купания. Прошу принять её. Пусть она будет моим извинением перед вашим высочеством за дневное неподобающее поведение. Надеюсь, ваше высочество будет великодушно.

— М-м...

Услышав такие слова, Ло Цинъян не смог больше отказываться. А когда Хо Ци упомянул события дня, в душе ему стало стыдно, и на щеках невольно вспыхнул румянец. Увидев это, Хо Ци не смог сдержать внутренней усмешки, подумав, что этот наследный князь и правда легко краснеет.

Только красавец с покрасневшим лицом подобен заре, отражающейся в чистом пруду, или росе, окрашивающей лотос. Облик Ло Цинъяна казался на три части ярче, чем обычно. Хо Ци прищурился, глядя на него, и невольно вырвалось восхищение.

Цинъян: Мне так обидно, и я боюсь, что я тебе не нравлюсь.

Хо Ци: Ты мне очень нравишься, дорогая, не надумывай лишнего.

Автор: Только благодаря надумыванию можно двигать сюжет.